

Кибернетика и компьютеры

Ветры кибернетики: от шторма

К ШТИЛЮ

В. В. Шилов

...как установила передовая буржуазная лженаука кибернетика, недавно перешедшая на нашу службу...

А. Зиновьев. Зияющие высоты

Советская идеология претендовала на свою исключительность в мире идей и единственно научный характер. Это не могло не вести к постоянным конфликтам между учеными и идеологами, проявлявшимся, в частности, в различных идеологических погромных кампаниях (в литературе подчас мягко именуемых «дискуссиями»), направленных против той или иной науки в целом или отдельного научного направления. Кампания против кибернетики, развернувшаяся в СССР в 1950–1955 годах, была одной из многих и далеко не самой ожесточенной. Именно особый и не вполне обычный характер этой кампании позволяет некоторым даже делать вывод о том, что такой кампании и вовсе не было...

Об истории кибернетики в Советском Союзе написано немало — как воспоминаний непосредственных участников событий, так и работ исследователей (см., например, [1.1–1.4]). Но эта история зачастую окутана туманом недосказанности и умолчаний, искажена многочисленными добросовестно (и недобросовестно) заблуждающимися мемуаристами и сознательно лгущими публицистами. В первую очередь это относится к ее начальному периоду, периоду борьбы за признание права на существование этой науки в нашей стране. Борьбы упорной, но, как это нередко случалось в истории нашего государства, происходившей чаще всего за кулисами и не оставлявшей зафиксированных в документах следов. В 1955 году в СССР появились первые позитивные публикации о кибернетике, и к 1956–1957 годам начальный период этой борьбы завершился, — после чего сил разбитого противника хватало только на отдельные и нечастые партизанские вылазки [1.5–1.7]. Исход войны был ясен; более того, маятник резко качнулся в противоположную сторону. Бывшая буржуазная лженаука стала верно служить коммунизму. И ожидания результатов этой службы были столь велики, что даже А. И. Солженицын не удержался от упоминания «дующего

нам в спины и паруса неистового ветра кибернетики» (пьеса «Свеча на ветру», 1960 г.).

О существовании происходивших в это время событий в литературе высказываются полярные мнения, многие относящиеся к этому периоду вопросы остаются предметом острой полемики. Была ли доступна советским ученым книга Н. Винера; имела ли место антикибернетическая кампания, и если имела, то когда, кто был ее инициатором и каковы были ее последствия; как началась реабилитация кибернетики? Ответы на эти и на некоторые другие вопросы по-прежнему зачастую определяют не документально установленные факты, а утвердившиеся в массовом сознании мифы.

В этом очерке мы попытаемся проанализировать некоторые аспекты событий вокруг кибернетики, а также укажем на отдельные противоречия и анахронизмы в приводимых в литературе сведениях.

Когда и кем в Советском Союзе была прочитана книга Винера?

В 1948 году в Париже увидела свет книга выдающегося американского математика Норберта Винера «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», ознаменовавшая появление новой науки. На Западе она стала бестселлером и произвела сенсацию не только в научном мире, но и в обществе в целом. Явных «антикоммунистических выпадов» книга Винера не содержала, и вскоре несколько ее экземпляров по вполне официальным каналам попали в Советский Союз — как в библиотеки (Ленинскую, Иностранной литературы, различных НИИ и КБ), так и к некоторым ученым, имевшим право покупать научную литературу за границей.

М. П. Гаазе-Рапопорт¹ вспоминал, что *«книга Винера была малодоступна научной общественности: несколько ее экземпляров было у отдельных ученых. Достаточно сказать, что один из первых советских кибернетиков и активный пропагандист идей науки об управлении и переработке информации И. А. Полетаев познакомился с трудом Винера по экземпляру, который имелся у И. С. Брука²»* [1.1, с. 64].

¹ Модест Георгиевич Гаазе-Рапопорт (1919–1996) — советский ученый-кибернетик, участник советского кибернетического движения с момента его возникновения. Занимался бионикой, автор книги «Автоматы и живые организмы» (1961). — *Прим. сост.*

² Исаак Семенович Брук (1902–1974) — конструктор советских цифровых вычислительных машин, автор (совместно с Б. И. Рамеевым) первого в СССР авторского свидетельства на ЦВМ (1948). Член-корр. АН СССР, академик Академии артиллерийских наук (упразднена в 1953 году). — *Прим. сост.*

Возможно, этот экземпляр Брук получил от выдающегося советского специалиста в области теории управления академика А. А. Андропова. Тот писал из Горького в августе 1949 года своему другу в Москву, что очень заинтересован в книге Винера, но до сих пор ее не имеет, и просил дать ему знать, где ее можно достать. А из письма Бруку, написанному в апреле следующего года, следует, что эта книга у него уже есть, и Андронов с энтузиазмом обсуждает ее содержание с коллегами [1.4, с. 108].

Однако уже вскоре ознакомиться с книгой Винера стало еще сложнее: она была помещена в спецхраны библиотек. Сам факт изъятия книги из свободного обращения едва ли можно поставить под сомнение. Например, Г. Н. Поваров³ писал: *«После окончания университета (в 1950 г. — В. Ш.) я служил в армии в офицерском звании. И учился в безотрывной аспирантуре Института автоматики и телемеханики. <...> Я попросил библиотекаря войсковой части достать нам эту книгу. Оказалось, что в Ленинской она в спецфонде и надо писать специальное отношение»*⁴ [1.3, с. 12]. Стоит уточнить, что из армии автор демобилизовался в 1953 году.

Ознакомиться с книгой Винера теперь мог далеко не любой ученый, даже из числа сотрудников организаций, в которые книга попала. В частности, А. И. Китов⁵ познакомился с ней в секретной библиотеке СКБ-245 в 1951 или (что более вероятно) 1952 году. Хотя он в то время был представителем Министерства обороны в СКБ-245⁶, для получения специального допуска потребовалось ходатайство Главного маршала артиллерии Н. Н. Воронова. Точно так же с трудом получил доступ к книге известный философ и идеолог Эрнест (Арношт) Кольман⁷. По его словам, он впервые услышал о новой

³ Геллий Николаевич Поваров (1928–2004) — советский математик, философ и историк науки. Под редакцией Г. Н. Поварова вышел официальный перевод на русский язык книги Н. Винера «Кибернетика» (1958). — *Прим. сост.*

⁴ Далее Г. Н. Поваров пишет, что книга Винера имелась у сотрудника института, крупного специалиста в области автоматического управления В. В. Солодовникова: *«Солодовников эту книгу заказал на свои доллары и выписал (ему полагалось, как профессору)»*. — *Прим. авт.*

⁵ Анатолий Иванович Китов (1920–2005) — советский ученый, инженер-полковник, создатель первого в стране вычислительного центра (в Минобороны), активный пропагандист кибернетики. См. в этом сборнике также очерки *«Анатолий Китов: монолог с советскими вождями»* и *«К истории первого отечественного ВЦ»*. — *Прим. сост.*

⁶ СКБ-245 (с 1958 — НИЭМ, с 1968 — НИЦЭВТ, с 1986 выделилось в самостоятельную организацию НИИ «Аргон», в настоящее время вместе с НИЦЭВТ входит в состав Концерна радиостроения «Вега») — одно из первых специализированных предприятий по разработке цифровой вычислительной техники, основано в 1948 году. В СКБ-245 была разработана первая серийная отечественная ЭВМ «Стрела» (1953). — *Прим. сост.*

⁷ Арношт (Эрнест) Кольман (1892–1979) — советский партийный деятель, философ-марксист. Считается одним из самых одиозных деятелей сталинского периода, участник и организатор травли многих известных ученых (В. И. Вернадского, С. И. Вавилова, Л. Д. Ландау, И. Е.

науке во время отдыха на Черном море летом 1953 года от своего знакомого, В. Н. Колбановского, как раз в это время писавшего антикибернетическую статью. По возвращении в Москву Кольман *«решил ознакомиться с кибернетикой, но в крупнейшей советской библиотеке, Ленинской библиотеке в Москве, фундаментальная работа Винера числилась в списке libri prohibiti вместе со всеми трудами Эйнштейна и многих других. Библиотекари не могли разрешить мне прочитать ее. Поэтому я послал протестующее письмо одному из секретарей ЦК КПСС, и, к моему изумлению, меня допустили ко всем этим работам»* [1.8, с. 422].

Однако для немногочисленных «посвященных» книга Винера все-таки была доступна. Более того, поскольку далеко не все из них в достаточной степени владели английским языком, были осуществлены переводы на русский. Именно переводы, поскольку производились они не централизованно, а по местной инициативе, по чьему-либо заказу. Такие переводы нередко упоминаются в мемуарной литературе. Например, Ю. А. Шрейдер⁸ пишет:

Кстати, по поводу книги Винера. Я точно помню, что в 49-м году перевод этой книги хранился в СКБ-245, где я работал, в первом отделе. Мне этот перевод однажды дали почитать под большим секретом, поскольку у меня тогда не было допуска (вероятно, автор имеет в виду допуск именно к этой книге, а не допуск по форме. — В. Ш.). Перевод был чудовищный, сделанный невеждой. Я помню этого несчастного человека, старого пенсионера, который работал в СКБ переводчиком, делал спецпереводы. Он из винеровского текста сделал безумную кашу. Тем не менее этот бессмысленный перевод хранился под строгим секретом, я не знаю уж под каким грифом, не буду врать.

В 50-м году я работал 3 месяца у И. С. Брука, и Исаак Семенович высказывал мне идеи из этой книги, оценивая их очень положительно, но не очень акцентированно упоминал, откуда он их берет. Из осторожности как-то не раскрывал источника, что понять можно. [1.2, с. 200–201].

А вот еще одно свидетельство мемуариста, известного писателя, диссидента Льва Копелева, в послевоенные годы бывшего заключенным Марфинской «шарашки»:

Вдвоем с заключенным-инженером Б. я перевел книгу Винера «Кибернетика». Он переводил те страницы, математический смысл которых я просто не мог уразуметь, и редактировал все переведенное мной.

В нашей печати кибернетику объявили реакционной лженаукой. Антона Михайловича это не смущало:

Тамма, Я. И. Френкеля, математиков Н. Н. Лузина, Д. Ф. Егорова и др.). В конце жизни (1976 г.) уехал на Запад, «раскаялся» и стал столь же бескомпромиссным антисоветчиком, каким был до этого сталинистом. — *Прим. сост.*

⁸ Юлий Анатольевич Шрейдер (1927–1998) — советский и российский математик, кибернетик и философ. — *Прим. сост.*

— Ну что же, это, видимо, правильно. Реакционная так реакционная. Но технически использовать необходимо. Мы же не сомневались в реакционности немецких фашистов, а тем не менее стреляли по ним из их же пушек... Как нужно произносить: сайбернетик или кибернетик? Толковая бестия этот американец. Впрочем, он, кажется, австрийский еврей? Янки присвоили его так же, как Эйнштейна и Бора. И получили немалый профит. Атомную бомбу-то создали главным образом ученые-иммигранты... Но мы с вами должны переплюнуть заморских мудрецов, переиграть их... Да-с, и не посредством родимой дубинки. Это в старину против англичанина-мудреца еще кое-как годилась дубина. Мой дед, помню, говаривал: «Все англичанка гадит...» Но с господами янки надо состязаться по-инному, по-новому⁹.

Упоминает о копелевском переводе и А. И. Солженицын в романе «В круге первом»: «Марфина достигали самые свежие американские журналы, и недавно для всей Акустической Рубин перевел, и кроме Ройтмана уже несколько офицеров читало о новой науке кибернетике».

Однако следует сказать, что если сам факт перевода сомнений не вызывает, то приведенный Копелевым монолог в 1949 году едва ли был возможен — в это время в нашей стране кибернетику лженаукой еще не объявили... По той же причине едва ли И. С. Брук в 1950 году должен был стараться «скрыть источник» высказываемых им идей. И здесь естественно возникает проблема достоверности сообщаемых сведений, связанная как с абберрацией памяти мемуаристов, так и с намеренным искажением ими событий прошлого в угоду тем или иным идеологическим постулатам.

Продолжим цитировать воспоминания Г. Н. Поварова: «Я попросил библиотекаря войсковой части достать нам эту книгу. Оказалось, что в Ленинской она в спецфонде и надо писать специальное отношение. Потом выяснилось, что это была местная инициатива. А в Библиотеке иностранной литературы „Кибернетика“ Винера выдавалась свободно. Там я ее и прочитал. Это было где-то в 1952–1953 гг. Т.е. общего запрета цензуры на эту книгу не было» [1.3, с. 12].

Последнее утверждение Г. Н. Поварова представляется крайне сомнительным. Более того, в данном 17 июля 1996 года — т. е. за несколько лет до опубликования процитированной работы — исследователю истории советской кибернетики Славе Геровичу интервью Г. Н. Поваров уверенно заявлял о том, что книга Винера была помещена в спецхран после и в связи с появлением в «Литературной газете» статьи Б. Агапова [1.9, с. 555]. Поскольку эта статья действительно явилась первым публичным сигналом к началу шельмования кибернетики, то такая связь представляется вполне возможной. Однако перемещение книг из фондов общего доступа в спецхран проводилось исключительно на основании рассылавшихся Главлитом во все

⁹ Копелев Л. З. Утоли моя печали. — М.: СП «Слово», 1991. — С. 89. — Прим. авт.

библиотеки страны списков, так что ни о какой местной инициативе запрета речи быть просто не могло — такая инициатива могла быть наказуема. А еще более наказуемым могло быть игнорирование требования о таком перемещении.

Однако следует сказать, что такого рода нарушения случались. Так, исследователь советской цензуры А. В. Блюм опубликовал датированную 20 февраля 1950 года докладную записку Уполномоченного Совета Министров СССР по охране военных и государственных тайн в печати К. К. Омельченко Секретарю ЦК ВКП (б) М. А. Суслову о нарушениях правил выдачи запрещенных изданий в Библиотеке иностранной литературы: *«До настоящего времени эти фонды не очищены от враждебных изданий. В библиотеке отсутствует строгий контроль выдаваемой читателям литературы. Действующей в настоящее время инструкцией „О порядке хранения и использования иностранной литературы“ предусматривается, что вся враждебная иностранная литература должна изыматься библиотекой из общих фондов и передаваться в отдел спецхранения. Пользование этой литературой разрешается только лицам, имеющим право на допуск к секретным материалам. Нарушив порядок, установленный вышеупомянутой инструкцией, библиотека иностранной литературы создала так называемый „профессорский“ зал, в котором читателям, не оформленным соответствующим образом, выдавались на правах общедоступных книг издания, подлежащие изъятию, например, немецкие фашистские издания, американские книги с выпадами против коммунизма и другие столь же враждебные издания. <...> Главлит полагает необходимым: а) запретить Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы выдачу иностранной литературы для открытого общего пользования до проверки соответствующих разделов действующего фонда»¹⁰. Но в любом случае едва ли Г. Н. Поваров мог в 1952 или 1953 году в библиотеке получить запрещенную книгу Винера.*

Столь же фантастически звучат слова А. В. Шилейко¹¹: *«Стало уже таким общим местом, что кибернетику часто травили, кибернетику не признавали... Ну что я могу сказать? В СКБ-245, где я работал <...>, шел философский семинар. Философские семинары в те времена, вы знаете, проходили под эгидой партийной организации. И на этом семинаре мы изучали книгу Винера. Это факт, от которого никуда не денешься. Изучали, сдавали зачет» [1.3, с. 27]. Изучение «под эгидой партийной организации» ошельмованной и запрещенной науки, конечно, фактом быть никак не может.*

¹⁰ Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы / Сост. А. В. Блюм. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 332–334. — *Прим. авт.*

¹¹ Алексей Вольдемарович Шилейко (1927–2005) — д-р техн. наук, профессор, автор научных и научно-популярных трудов по вычислительным машинам, участник работ над одной из первых советских ЭВМ «Стрела» в СКБ-245. Сын известного ученого-востоковеда В. К. Шилейко, А. В. Шилейко известен также своими переводами научно-фантастической литературы и научно-философскими концепциями — информации, как физической сущности. — *Прим. сост.*

Похоже, что автор либо сознательно вводит читателя в заблуждение, либо сдвигает это событие из второй половины 1950-х годов, когда такое изучение действительно проходило во многих научных организациях, в начало десятилетия...

КИБЕРНЕТИКА (от др. греч. слова, означающего рулевой, управляющий) — реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма. Приверженцы кибернетики определяют её как универсальную науку о связях и коммуникациях в технике, о живых существах и общественной жизни, о «всеобщей организации» и управлении всеми процессами в природе и обществе. Тем самым кибернетика отождествляет меха-

нические, биологические и социальные взаимосвязи и закономерности. Как всякая механистическая теория, кибернетика отрицает качественное своеобразие закономерностей различных форм существования и развития материи, сводя их к механическим закономерностям. Кибернетика возникла на основе современного развития электроники, в особенности новейших скоростных счётных машин, автоматики и телемеханики. В отличие от старого механицизма XVII—XVIII вв. кибернетика рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии не с простейшими механизмами, а с электронными машинами и приборами, отождествляя работу головного мозга с работой счётной машины, а общественную жизнь — с системой электро- и радиокommunikаций. По существу своему кибернетика направлена против материалистической диалектики, современной научной физиологии, обоснованной И. П. Павловым (см.), и марксистского, научного понимания законов общественной жизни. Эта механистическая метафизическая лженаука отлично уживается с идеализмом в философии, психологии, социологии.

Фрагмент статьи «Кибернетика». Краткий философский словарь, 1954 [1.20]

А вот В. А. Торгашев¹² заявляет, что «Книга Винера „Кибернетика“, изданная в 1948 году, уже в 1949 была переведена в СССР (правда, в

¹² Валерий Антонович Торгашев (р. 1937) — д-р техн. наук, профессор, один из авторов концепции рекурсивных ЭВМ. В наше время получил известность своей публицистической статьей «[Вспоминая СССР](#)», идеализирующей сталинский период (2013). — Прим. сост.

открытой продаже она появилась лишь в 1958 году в результате второго издания, но в библиотеках была доступна и ранее» [1.10, с. 48–49]. В этой фразе мы видим как лукавство автора, так и прямые подтасовки. Что значит «второе издание»? Самопальный перевод, хранящийся в спецхране — это не первое издание. Что означают слова об «открытой продаже»? Значат ли они, что до этого имела место продажа «закрытая»? Наконец, в каких библиотеках (кроме уже упомянутых секретных библиотек при НИИ) и в каком виде книга была доступна «ранее»? Ведь печатного издания до 1958 года на русском языке не было.

Итак, миф о том, что до середины 1950-х годов книга Винера была советским ученым вполне доступна, и что с ней мог ознакомиться любой желающий, проверки фактами не выдерживает. Возвращение книги в общий доступ связано с деятельностью А. И. Китова, А. А. Ляпунова¹³ и их коллег, кульминацией которой стала официальная реабилитация кибернетики [1.11]¹⁴. Впрочем, с этим событием связан еще один бытующий в литературе миф. В журнальной статье [1.8], опубликованной уже после отъезда на Запад, А. Кольман написал о том, как сумел прочитать книгу Винера благодаря вмешательству некоего неназванного секретаря ЦК. Но в мемуарной книге, увидевшей свет спустя всего лишь пять лет, он рассказал эту же историю несколько иначе — куда более пространно и в более героических тонах:

А я, как только мы вернулись в Москву (после отдыха на море. — В. Ш.), захотел ознакомиться с книгой Винера. Но, увы, в Ленинской библиотеке ее не выдавали на руки, она находилась в „закрытом хранении“, вместе с антисоветской литературой. И тут я ознакомился с другими советскими авторами, пригвоздившими кибернетику к позорному столбу антимарксизма и идеологической диверсии.

В «Литгазете» проворный журналист Аграновский, еще раньше Колбановского, не менее хлестко расправился с ней. И не лучше обошелся с ней и «Краткий философский словарь», выходявший в эти годы многими изданиями под редакцией Юдина и Розенталя. Я обнаружил, что в Ленинской и других библиотеках засекречены все работы Эйнштейна (ведь советские философы во главе с Максимовым объявили в 50-х годах теорию относительности идеалистической!), и такая же судьба постигла и многие другие ценнейшие труды зарубежных учёных. Тогда я написал письмо секретарю ЦК Поспелову, указал на вред, который эта практика Главлита наносит советской науке. И, зная, что собой представляет Поспелов, я, по правде сказать, не ожидал, что моё письмо будет принято положительно. Но, вопреки моему ожиданию, работы Винера, Эйнштейна, Бора, Гейзенберга и ряда других западных учёных были очень быстро рассекречены. «Кибернетику» Винера я стал внимательно изучать и убедился в

¹³ Алексей Андреевич Ляпунов (1911–1973) — советский математик, член-корр. АН СССР, один из основоположников отечественной кибернетики. — *Прим. сост.*

¹⁴ См. об этом также очерк «К истории первого отечественного ВЦ». — *Прим. сост.*

величайшей ценности, необыкновенной перспективности этой новой науки.
[1.12, с. 305].

В этом отрывке мы видим целую россыпь фактических ошибок — так, Кольман перепутал Ярошевского со знаменитым (впоследствии, но в то время еще никому не известным) журналистом Анатолием Аграновским, к статьям против кибернетики совершенно непричастным, «Краткий философский словарь» дал негативную оценку кибернетике не летом 1953 года, а год спустя... Никакого запрета на научные работы Эйнштейна (несмотря на действительно имевшие место атаки на теорию относительности) не было — запрещены были его философские работы. Кольман не говорит, когда же был снят запрет с названных им книг, но в любом случае связывать это событие исключительно с его письмом секретарю ЦК КПСС Г. Н. Поспелову (о котором, напомню, за пять лет до того он даже не обмолвился!) нет ни малейших оснований. Увы, некоторые авторы, принимая на веру не подкрепленную фактами версию об исключительной роли А. Кольмана в реабилитации кибернетики, даже не упоминают о роли в этом А. И. Китова, А. А. Ляпунова и других отечественных ученых (см., например, [1.3, с. 12]).

Странная компания кампания

Вскоре после выхода книги Винера на Западе появилось множество публикаций (в том числе популярного характера), в которых особенно акцентировались идеи ученого о принципиальном сходстве поведения живых организмов и сложных технических систем. Вероятно, именно этот аспект теории Винера в первую очередь привлек внимание советских идеологических инстанций и потребовал соответствующей реакции.

В начале мая 1950 года «Литературная газета» напечатала статью Бориса Агапова «Марк III, калькулятор» [1.13]. В ней резкой критике была подвергнута идея использования вычислительных машин для обработки экономической информации, а также была дана нелицеприятная оценка личности Винера. Статью Агапова смело можно считать предвестником антикибернетической кампании. Однако сразу же следует сказать, что эта кампания носила совершенно необычный характер — в отличие от погромных кампаний в генетике, языкознании и других науках она была превентивной. Если в названных науках удар направлялся против конкретных людей, научных коллективов и сложившихся в рамках традиционных наук школ, то в кампании против кибернетики дело обстояло совершенно иначе. Ведь в стране еще не появились ни кибернетика, ни кибернетики!

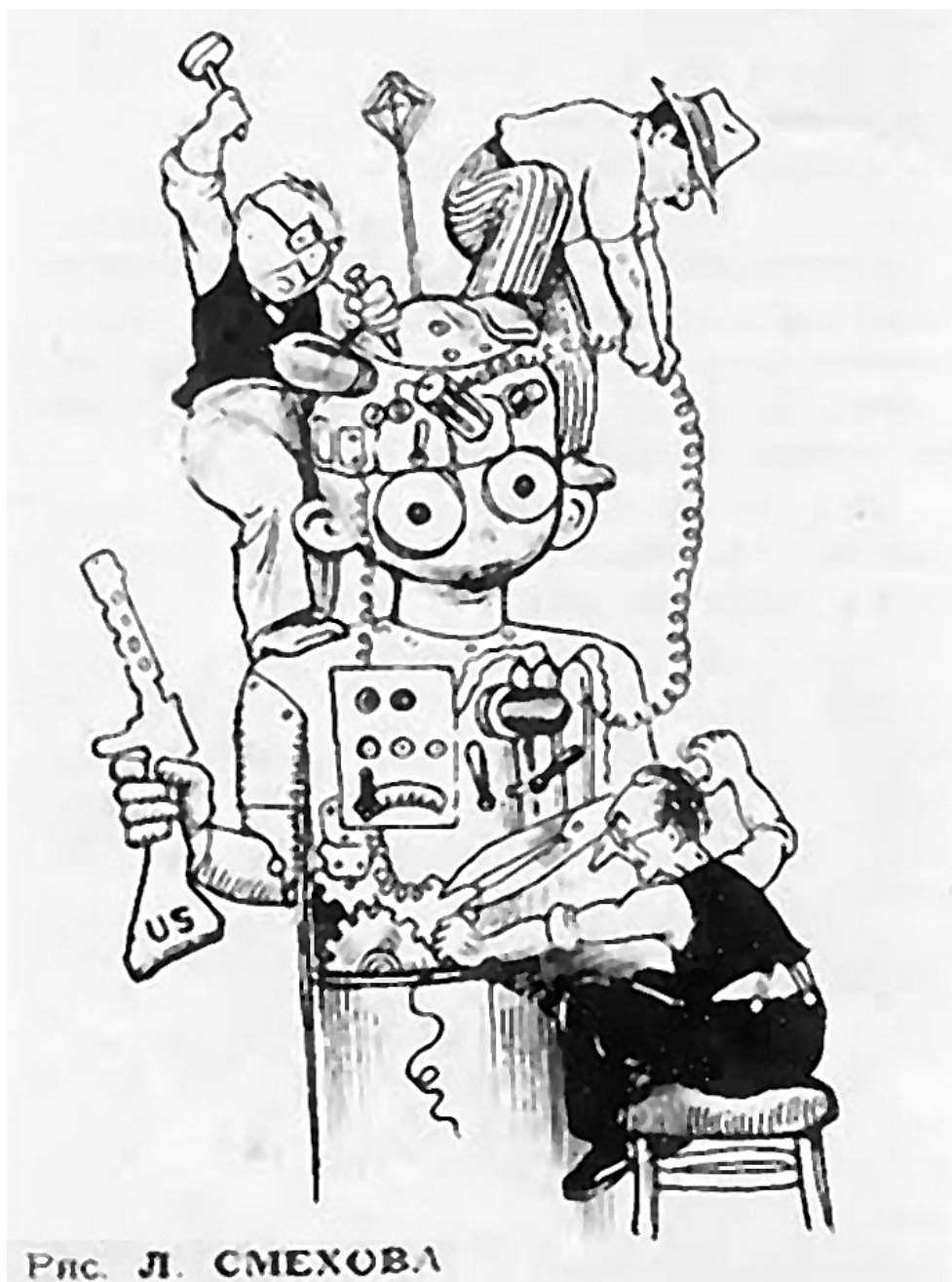

Иллюстрация к статье К. Гладкова [1.25] в журнале «Техника — молодежи», 1951 г.

Поэтому представляется неверным ставить знак равенства между масштабной, имевшей столь драматические, а подчас и трагические для судеб многих ученых кампании против генетики и внешне скромной антикибернетической кампанией. Именно часто и бездумно повторяемые слова о гонениях «на генетику и кибернетику» дают повод отдельным публицистам и мемуаристам отрицать само наличие этой кампании и ерничать относительно «десяти тысяч расстрелянных кибернетиков и ста тысяч отправленных на Колыму». Например, А. В. Шилейко пишет: *«Стало уже таким общим местом, что кибернетику часто травили, кибернетику не признавали... <...> Может быть, мне так повезло, но я не знаю ни одного человека, который бы пострадал от того, что он провозглашал кибернетику. Будем считать, что мне повезло»* [1.3, с. 27–28].

Разумеется, на Колыму кибернетиков не ссылали — хотя бы потому, что никто в СССР кибернетиком себя не называл! — но кампания против кибернетики несомненно была. Хотя, как уже было сказано, кампания своеобразная. Она и в самом деле не была масштабной — всего лишь около десятка публикаций [1.13–1.21]. Но при этом отрицающие ее забывают или умалчивают, что в СССР существовало негласное правило — критика того или иного «идеологически чуждого» явления исключительно строго дозировалась. Действительно, если писать о нем слишком много, то у читателя поневоле может возникнуть к нему интерес и желание ознакомиться. Кампания может не быть массовой, однако каждый выстрел должен бить точно в цель! Некоторые историки полагают, что относительно скромный масштаб антикибернетических выступлений не позволяет назвать их совокупность полноценной идеологической кампанией. Так, известный американский исследователь Л. Грэхэм пишет: *«В начале 50-х годов советские идеологи были определенно враждебными по отношению к кибернетике, несмотря на то, что общее число статей, прямо направленных против кибернетики, не превышало, кажется, трех или четырех. Это число было намного меньше, чем число идеологически воинствующих публикаций, появившихся в других спорах, ... что объясняется, без сомнения, обстоятельствами того времени: к моменту, когда кибернетика стала широко известной, худшие времена идеологического вторжения в советскую науку прошли»* [1.22, с. 272].

К сожалению, здесь автор допустил несколько ошибок. Во-первых, число только публикаций, целиком направленных против кибернетики, было в два раза большим — как уже было указано, не менее девяти. Но и помимо них, как мы увидим, было немало отдельных антикибернетических выпадов, как попавших на страницы печати, так и по тем или иным причинам не оглашенных публично. Во-вторых, в Советском Союзе любая публикация в печати, а уж тем более в центральных идеологических органах,

рассматривалась как неукоснительное руководство к действию. Можно привести высказанное в 1950 году мнение участника одной из дискуссий по проблемам медицины: *«Если статья (в газете «Медицинский работник». — В. Ш.) не помещена в дискуссионном порядке, то на нее принято смотреть как на установочную статью. И мне кажется, что большинство товарищей восприняли эту статью как директивную»* [1.23, с. 162]. Так что необходимости в большом количестве публикаций попросту не было. И, наконец, в-третьих, крайне наивно выглядит безапелляционное утверждение Л. Грэхэма, будто в начале 1950-х годов *«худшие времена идеологического вторжения в советскую науку прошли»*.

Именно такого рода ошибки даже таких солидных исследователей, как Л. Грэхем, позволяют сегодняшним неосталинистам делать сколь угодно нелепые заявления вроде: *«Кибернетику поддерживала Академия наук СССР. Кибернетику поддерживали военные, а также партийные функционеры, занимавшиеся проблемами обороны. Вопросами кибернетики интересовался Сталин. <...> „Вопросы философии“ публиковали статьи на эту тему с самых различных точек зрения — и критические, и одобрительные. Но нет ни одного реального противника, кроме разве что анонимного „Материалиста“»*¹⁵.

А почему бы им и не писать так, если антисталинисты (включая профессионалов — историков и музейных работников!) тоже не желают знать фактов и в свою очередь пишут, например, такое: *«Обычный современный пользователь ПК не представляет себе габариты первых ЭВМ ... и тем более, мало кто вспоминает о сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда „зловредная“ кибернетика вместе с „буржуазной“ генетикой была проклята как наука, чуждая передовому социалистическому обществу»*¹⁶.

Чтобы обоснованно судить о наличии или отсутствии кампании, имеет смысл более внимательно проанализировать не только содержание антикибернетических статей (С. Герович убедительно показал, что все они, кроме, пожалуй, статьи Т. Гладкова, написаны на основе вторичных источников и ни в одной из них нет полемики с кибернетикой по существу [1.4, с. 126–131]), но и хронологию их появления и состав авторов.

Прежде всего, характерен и едва ли случаен выбор печатных органов, в которых антикибернетические статьи публиковались. Сначала — две

¹⁵ [Цымбал А. Гонения, которых не было](#) // Спецназ России. — 2004. — № 2 (89). — Прим. авт.

¹⁶ Панкрашкина Н. Г. Музейная экспозиция первого в СССР факультета ВМК // VIII Международная научно-практическая конференция «История техники и музейное дело». Материалы. — М.: ИИЕТ РАН, 2014. — С. 46. — Прим. авт.

публикации в ориентированной на интеллигенцию «Литературной газете» (особая роль этого издания в идеологической жизни СССР хороша известна).

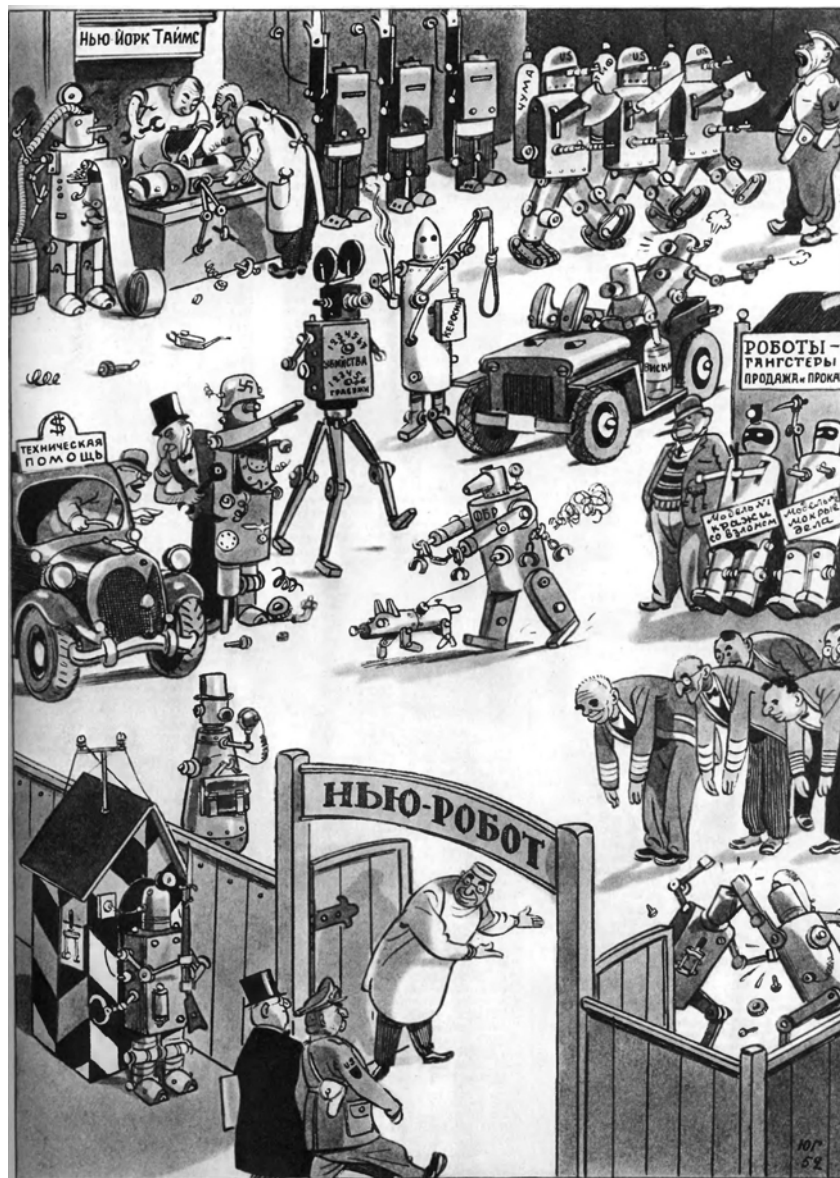

Иллюстрация к статье К. Гладкова [1.16] в журнале «Техника — молодежи», 1952 г.

Вслед за этим одна за другой статьи в массовых научно-популярных журналах «Природа» (самом академическом), «Наука и жизнь» (самом

распространенном) и «Техника — молодежи» (ориентированном на молодежную аудиторию). Наконец, подводящая «философский базис» статья в центральном идеологическом органе «Вопросы философии» и претендующая на солидность статья в журнале научном — «Вестник Московского университета». И как завершающий аккорд кампании — статья в «Кратком философском словаре», дающая окончательную официальную марксистско-ленинскую оценку новой науке.

Статья Б. Агапова «Марк III, калькулятор» [1.13] появилась в «Литературной газете» в начале мая 1950 года. Фактически же начало кампании положила статья М. Ярошевского [1.14], опубликованная в той же газете 5 апреля 1952 года. Однако отдельные антикибернетические пассажи появлялись в печати и до нее. Например, хорошо известен следующий отрывок из опубликованной еще в 1951 году статьи того же Ярошевского:

...широковещательно рекламируется очередная разновидность семантики, выступающая под именем «кибернетики». В основе этой «кибернетики» лежит излюбленное утверждение семантических мракобесов о том, что мышление представляет собой не что иное, как оперирование знаками, причем в качестве идеальной формы такого оперирования выдвигается математическое исчисление. Изобретатель «кибернетики» Винер рекомендует рассматривать мозг как совершающую арифметические и алгебраические операции счетную машину. <...> почему же в таком случае не предположить, что в самое ближайшее время приборы заменят людей?

«В недалеком будущем — пишет Винер — думающие машины сделают ненужным использование людей и так как общество (капиталисты. — М. Я.) смотрят на человеческий труд как на товар, продаваемый и покупаемый, то скоро мы достигнем такой стадии, когда большинству людей нечего будет продавать».

Из этого фантастического положения семантики-людоеды делают вывод о необходимости истребления большей части человечества. [1.24, с. 99–100].

Книга, откуда взята процитированная статья, была подписана в печать 24 августа 1951 года, и соответственно статья писалась едва ли намного позднее начала того же года. Так что позднейшие утверждения Ярошевского, будто бы он даже и не слышал о кибернетике и ЭВМ до случайного визита в редакцию «Литературной газеты» (который не мог состояться ранее конца 1951 — начала 1952 года. — В. Ш.) и беседы со встреченными там некими «молодыми физиками»¹⁷, не соответствуют действительности...

Практически одновременно с Ярошевским К. А. Гладков в журнале «Техника — молодежи» предъявил кибернетике и кибернетикам то же обвинение в желании создать искусственный мозг и, вследствие этого, в

¹⁷ Петровский А. В. [Психология и время](#). — СПб.: Питер, 2006. — С. 53. — Прим. авт.

человеконенавистничестве. Приведем его антикибернетический пассаж полностью:

Недавно в Америке физик (sic! — В. Ш.) Винер опубликовал книжицу под названием «Кибернетика», вызвавшую в кругах американских реакционеров от науки сенсацию. Этот ученый претендует на создание новой всеобъемлющей науки. По его мысли весь мир, вся природа — это серия колебаний, а также электрических и магнитных полей разной интенсивности и напряженности, в каком-то диапазоне которых застрял человек. Поэтому к вопросу об изучении человека надо подходить якобы, как к любой радиотехнической схеме. Решая радиотехнические вопросы, можно решать и все без исключения вопросы, связанные с человеком, в том числе психологические и социальные. Разоблаченное еще давно лжеучение о том, что человек является якобы машиной, преподносится теперь под видом сложной радиотехнической схемы.

В порядке подготовки и развязывания новой войны сейчас во всех лабораториях капиталистических монополий многочисленные специалисты работают над созданием сложных электрических приборов, заменяющих человека-рабочего, которого капиталисты боятся. Для управления реакциями в атомных котлах, для сложных вычислений при управлении радиолокационными установками, для запуска ракетных снарядов, торпед и многих других смертоносных орудий войны капиталисты ищут робота.

Какими бы хитрыми и тонкими эти орудия не оказывались, всегда в каком-то звене их использования нужен человек, и больше всего поджигатели войны именно этого-то человека и боятся. На простого человека можно всегда выпустить быка-полисмена. Но человек, стоящий за сложным и смертоносным оружием, вдруг задумает повернуть оружие против самих поджигателей войны.

Убрать этого человека, заменить его прибором, роботом, и если не роботом, то хотя бы искусственным мозгом или той частью мозга, которая выполняет двигательную или вычислительную функцию, — вот о чем мечтают империалисты.

Идут бешеные поиски искусственного мозга.

Любое самое фантастическое предложение расценивается как откровение.

Вот что пишет некто Ашби (выдающийся кибернетик Уильям Росс Эшби. — В. Ш.) в английском журнале «Электроник энжиниринг»:

«20 лет тому назад идея построить мозг считалась бы фантастической. Мышление и материя были тщательно разделены философами, которые в своей массе были убеждены, что любая неживая связь была невозможна, что никакая машина не может воспроизвести удивительных способностей мозга...» Далее идет псевдонаучный бред о возможности построить такую (обладающую мыслительными способностями. — В. Ш.) основанную на смеси современной электротехники, электроники, телемеханики, трубок с «памятью» и математической логикой. Следовательно, нужны роботы не такие, которые строились древними греками для развлечения сограждан, а нужны искусственные люди для конкретных целей — управлять орудиями истребления мирного населения. [1.25, с. 35–36].

Таким образом, почва для атаки на кибернетику была подготовлена, и те же (хотя и не только) люди вскоре открыли огонь по кибернетике уже из орудий главного калибра.

Три статьи последовали за ней в июле-августе 1952 года: в журналах «Природа» (номер подписан в печать 25 июня) и «Техника — молодежи» (номер подписан в печать 20 июля) и газете «Медицинский работник» [1.15–1.17]. Если учесть длительность редакционно-издательского цикла журналов, то становится очевидным, что все эти статьи были представлены в редакции если не одновременно, то с очень небольшим интервалом. Поэтому трудно согласиться с мнением С. Геровича, будто *«авторы последующих антикибернетических публикаций явно интерпретировали статью Ярошевского как сигнал к началу полномасштабной антикибернетической кампании»* [1.4, с. 123]. Это утверждение явно предполагает независимость и автономность авторов названных статей. Прочитали — интерпретировали — откликнулись. Еще раз повторим, что в СССР статьи идеологической направленности не были частным делом авторов. Синхронность появления этих публикаций в печати скорее свидетельствует о том, что их авторы действовали не по собственной инициативе, а выполняли некий заказ. Ни один советский редактор того (да и более позднего) времени не мог взять на себя ответственность за публикацию не согласованной с «инстанциями» статьи, тем более статьи, касающейся вопросов идеологии...

В этом плане весьма характерна история с публикацией вполне невинной статьи ленинградского инженера Е. Ободана «Вычислительную технику — на службу техническому прогрессу»¹⁸. Она вызвала оживленную официальную переписку, в которую были вовлечены ни много ни мало несколько профессоров и академиков, министр машиностроения и приборостроения, два отдела ЦК КПСС и уполномоченный при Совете Министров СССР по охране военных и государственных тайн! А главный редактор «Известий» К. А. Губин, спасая свое кресло, был вынужден самым жалким образом оправдываться, уверяя, что он здесь не причем, и что коварный инженер чуть ли не силой заставил редакцию напечатать злополучную статью¹⁹...

В 1953 г. также одновременно увидели свет еще две статьи — в массовом научно-популярном журнале «Наука и жизнь» [1.18] и идеологическом органе «Вопросы философии» [1.19]. Разумеется, это также едва ли можно считать случайным совпадением. И фактически кампанию завершила статья в

¹⁸ Известия. 28 августа 1951 г. — *Прим. авт.*

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 174. Л. 129–147 (материалы были предоставлены автору канд. ист. наук Н. Ю. Пивоваровым и канд. ист. наук И. А. Крайневой). — *Прим. авт.*

«Кратком философском словаре» [1.20], давшая окончательную официальную марксистско-ленинскую оценку новой науке. Эта книга была подписана в печать 27 марта 1954 года, что, опять-таки с учетом длительности редакционного цикла журнала, приблизительно соответствует

Б. Э. БЫХОВСКИЙ, доктор философских наук

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ античного мира прямо и открыто подразделяли все орудия производства на немые орудия — топоры, молоты, лопаты, — полуговорящие — рабочий скот — и говорящие орудия — рабов. Современные, империалистические рабовладельцы прикрывают беспощадную эксплуатацию трудящихся плотной завесой лживых, лицемерных фраз о демократии, свободе личности, равноправии. На деле же трудящийся человек, как и в прежних антагонистических формациях, является при капитализме не целью, а только одним из средств производства; рабочие же и крестьяне считаются «сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации» (Сталин).

Однако в то время как античные погонщики рабов действовали примитивными палочными методами, наемники современных монополистов «выжимают пот по всем правилам науки» (Ленин). В эпоху империализма были созданы и процветают специальные «науки», целью которых является «прогресс в искусстве выжимать пот». В. И. Ленин неоднократно бичевал «чужденное зверство буржуазной эксплуатации», использующее науку в бесчеловечных целях. Возникший в начале нынешнего века в США и получивший там широкое распространение тайлоризм Ленин определил как «научную систему выжимания пота», как систему «порабощения человека машиной». Развившийся там же, в США, вслед за тайлоризмом, фордизм явился дальнейшим шагом по пути эксплуатации человека человеком.

Естество мировой капиталистической системы в период общего кризиса еще более обнажило характерную для капитализма тенденцию к всемерному усилению эксплуатации рабочих. Современный неотайлоризм ставит себе на службу самые разнообразные отрасли знаний — от математики до психологии. Он выступает в разных формах и под разными наименованиями, но во всех случаях преследует одну и ту же цель — подчинение науки гнилому делу бесчеловечной эксплуатации трудящихся.

В США за последние годы появилась новая «наука» — «человеческая инженерия». По определению Мэда и Вульффа из колледжа Тафта (Медфорд, штат Массачусетс), ее предметом является «человек как сервомеханизм или составная часть сервомеха-

низма». «Сервомеханизм» (дословно: «механический раб») — новый технический термин, возникший с развитием автоматизации, для обозначения автоматически действующих систем и приборов, основанных на электро- и радиотехнике. Человеческая инженерия призвана «изучать» человека как один из такого рода механизмов, как одно из звеньев в системе «механических рабов». Эта «наука» рассматривает рабочего как говорящее орудие, как живую машину-автомат.

Пытаясь обосновать подобные взгляды, американский невропатолог Лоуренс Кэби на одной научной конференции в Нью-Йорке говорил: «Представьте себе, что перед нами комната, наполненная механическими роботами, каждый из которых — точная копия человеческого существа. Теоретически каждая машина определенного типа и вида может быть заменена другой такой же машиной. Теоретически, если вы покупаете фордовский автомобиль, вы можете снять с него мотор и заменить его другим мотором. Они не будут абсолютно тождественны, но в пределах вариаций они взаимозаменяемы. Существенное отличие состоит в том, что человеческим существам мы приписываем специфические различия, основанные отчасти на опыте, отчасти на воображении, а отчасти на странных незначительных соображениях, относящихся к несущественным особенностям этих личностей. Из-за этих соображений мы рассматриваем относительно взаимозаменяемых людей как взаимонезаменимых». Выступивший на этой же конференции профессор физиологии Мак-Келлах заметил: «Я не думаю, что какие-нибудь особые трудности вытекают из того факта, что одна из машин — это человек, а не вещь, сделанная из колес или из жести». Профессор Кэби согласился с этим замечанием. «Различие только в степени», — подтвердил он.

Воспроизводимый на следующей странице рисунок напечатан в декабрьском номере американского научного журнала «Сайентифик Мансли» за 1952 год. Этот рисунок служит иллюстрацией к статье о человеческой инженерии. Под рисунком пояснение: «Слева — функции, которые обычно выполняются машинами лучше, чем людьми; справа — функции, которые обычно люди выполняют лучше машин». К первым автор статьи относит скорость, силу, вычисление, копирование, синхронные операции, кратковремен-

времени написания последней, самой «научнообразной» из антикибернетических статей [1.21]. Таким образом, анализ хронологии появления в советских изданиях направленных против кибернетики статей со всей очевидностью свидетельствует о скоординированном, по крайней мере, начиная с некоторого момента, характере этих публикаций.

Кто был координатором, от кого исходил заказ и в какой форме он был сделан — утверждать достоверно невозможно. Но, скорее всего, он исходил не с самого партийного Олимпа, то бишь из ЦК, а из идеологических кругов, более приближенных к земле... Критика кибернетики первоначально была одной из составных частей общефилософской полемики с новыми тенденциями в западной философии. Советские философы, в поисках все новых и новых мишеней для своих критических стрел, не могли не обратить внимания на столь стремительно обретающую популярность на Западе науку. Поэтому первые антикибернетические выпады в печати вполне могли быть сделаны, так сказать, в «инициативном порядке» (но, как уже говорилось, с обязательным утверждением инициативы в уполномоченных инстанциях). Однако эти выпады прекрасно вписались в общую картину, и если и не были явно инспирированы вышестоящими идеологами, то несомненно были с ними согласованы, одобрены, и в скором времени подхвачены и подняты на более высокий уровень.

Об этом свидетельствуют известные, пусть немногочисленные, документы, введенные в научный оборот С. Геровичем [1.4, с. 124–125]. Так, выполняя указание ЦК об усилении идеологического противостояния, Институт философии АН СССР в начале 1953 года организовал специальный сектор в составе тринадцати специалистов по критике современной буржуазной философии. Именно сотрудники этого сектора уже в конце года впервые официально назвали критику кибернетики одной из наиболее актуальных и приоритетных задач советских идеологов, призванных разоблачать «псевдонаучный и реакционный характер» инструментализма, семантики, неотомизма, кибернетики, экзистенциализма и др. В план работы сектора был включен пункт о подготовке нескольких популярных брошюр с критикой феноменологии, кибернетики, экзистенциализма и им подобных «лжетеорий». Кибернетике должен был быть посвящен специальный раздел в планировавшемся к изданию Институтом философии учебном пособии «Буржуазная философия и социология эпохи империализма».

Кибернетика появилась в самый подходящий момент. В ведущем философском журнале «Вопросы философии» только что был сформирован новый раздел — «Критика буржуазной идеологии». Эта критика призвана была бить в первую очередь не по замшелым махизму и другим философским заблуждениям, разоблаченным еще самим Владимиром Ильичом, а по самым

актуальным и новомодным. Статья «Материалиста» была одной из первых в новой рубрике (но не самой первой; до нее, в частности, была опубликована статья с критикой теории фрустрации²⁰). И, разумеется, она придала новый импульс дальнейшему развитию антикибернетической кампании.

Кто виноват?

Нередко предпринимаются попытки представить в роли инициаторов направленных против кибернетики публикаций инженеров, математиков и специалистов в области создания ЭВМ. Так, Л. Грэхэм пишет, что «Влияние позиции партии не должно, однако, затмевать тот факт, что многие ученые и инженеры в Советском Союзе относились скептически к утверждениям кибернетиков США» [1.22, с. 273]. Ему вторит украинский публицист В. Пихорович: «больше всех ... не правы те, кто спекулировал и продолжает спекулировать на этой весьма темной истории (так Пихорович называет антикибернетическую кампанию. — В. Ш.), утверждая, будто бы во всем виноваты были философы и идеологи вообще. На самом деле все было совсем по-иному. Философы и идеологи только подхватили идею, брошенную другими». Под другими он подразумевает создателя одной из первых советских ЭВМ МЭСМ академика С. А. Лебедева и его сотрудницу Е. А. Шкабару: «Именно они стали инициаторами печально знаменитой статьи в „Философском словаре“, в котором кибернетика названа лженаукой»²¹.

Так ли это? Действительно ли инициаторами этой кампании явились инженеры и ученые? Во всяком случае, все авторы опубликованных антикибернетических статей хорошо известны и их деятельность в связи с кибернетикой уже достаточно полно охарактеризована (см. [1.26, 1.27]). Среди них нет ни одного инженера, зато все они были партийными публицистами, испытанными бойцами идеологического фронта (а некоторые еще и бойцами фронта невидимого) — а по основному роду занятий философами, психологами, литераторами... Точнее, инженером подписывался автор двух антикибернетических статей К. А. Гладков, но даже он, хотя и неплохо разбирался во многих технических областях, все-таки инженерного образования не имел.

²⁰ Мерлин В. С. [Против реакционной теории в психологии](#) // Вопросы философии. — 1953. — № 5. — С. 220–224. — Прим. авт.

²¹ Первым назвал кибернетику лженаукой М. Ярошевский. Вообще же статья в «Кратком философском словаре» как бы аккумулировала все ранее озвученные обвинения в адрес кибернетики. — Прим. авт.

Не были инженерами и другие авторы, походя лягавшие кибернетику в своих сочинениях, не посвященных специально этой науке. Например, автор приводимого ниже отрывка Денис Михайлович Трошин был философом, окончившим аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, работавшим в Высшей партийной школе при ЦК КПСС и в то время занимавшим должность заместителя директора Института философии АН СССР:

Реакционные силы общества всегда старались увести науку на ложный путь, заменить законы науки лженаучными измышлениями. В наше время американские и английские империалисты объявили поход против науки. Они не жалеют средств и сил на организацию целой сети учреждений, фабрикующих новые отрасли лженауки. Так, для оправдания расизма и космополитизма создана отрасль «биологии» — евгеника, в основе которой лежит реакционный вейсманизм. Махровым цветом распустилась в капиталистических странах такая же лженаука — педология.

В тех же реакционных целях создана в Америке лженаука кибернетика. Чудовищность этой лженауки в том, что она желает заменить человека счетной машиной. Рекламная шумиха, поднятая американско-английской печатью, по сути дела направлена против передовой науки о нервной деятельности, созданной И. П. Павловым, против научной психологии. Кибернетика — одно из звеньев челоноконевистнических устремлений дельцов Уолл-стрита²².

Так что же, инженеры и ученые молчали? Увы, нет, хотя известны лишь три скупых свидетельства, вроде бы зафиксировавших негативное отношение инженеров к новой науке.

1. В 1952 году в Советском Союзе был издан перевод одной из основополагающих книг раннего периода развития вычислительной техники, напечатанной полутора годами ранее в США [9.16]. И хотя содержание оригинала было достаточно далеким от винеровской кибернетики, редактор перевода Д. Ю. Панов в своем предисловии счел нужным указать, что «*При переводе... изъятые сомнительные аналогии между машинами и человеком в духе псевдонаучных высказываний „кибернетиков“, отдельные высказывания, характерные для американской военной пропаганды*». Книга была подписана в печать 1 ноября 1952 года.
2. Спустя год увидел свет сборник переводов «Теория передачи электрических сигналов при наличии помех» (М.: ИЛ, 1953). В предисловии к изданию доктор технических наук Н. А. Железнов писал: «*Необходимо отметить, что терминология статистической теории*

²² Трошин Д. М. Марксизм-ленинизм о законах науки // Природа. — 1952. — № 12. — С. 9. — *Прим. авт.*

передачи электрических сигналов и ряд ее понятий используются некоторыми зарубежными математиками и инженерами для спекуляций, связанных с пресловутой кибернетикой. Так, например, Н. Винер, С. Гольдман и др., исходя из внешней, поверхностной аналогии и спекулируя на нечеткости и двусмысленности некоторых терминов и понятий, пытаются перенести закономерности радиосвязи на биологические и психологические явления, говорят о „пропускной способности“ головного мозга и т. д. Естественно, что все эти попытки придать кибернетике наукообразный характер с помощью заимствованных из другой области терминов и понятий отнюдь не делают кибернетику наукой — она остается лженаукой, созданной реакционерами от науки и философствующими невеждами, находящимися в плену идеализма и метафизики. В то же время досужие упражнения философствующих лжеученых набрасывают тень на статистическую теорию передачи сигналов при наличии помех, результаты и выводы которой сами по себе имеют большое научное и прикладное значение» (с. 6). Предисловие было датировано: Ленинград, сентябрь 1952 г.

3. В том же 1952 году С. А. Лебедев и М. В. Келдыш выпустили научный отчет по теме «Большие счетные математические машины», в котором — не называя по ее имени — осторожно от кибернетики открестились: *«Следует отметить, что в буржуазной прессе часто проводят аналогии между работой машины и человеческого мозга. Эти высказывания являются совершенно абсурдными. Для работы машины должен быть заранее установлен весь процесс решения задачи — „программа“ решения задачи. Поэтому наличие машин ни в какой степени не снимает проблем разработки математического метода решения задач. Машина лишь дает возможность чрезвычайно быстро осуществить разработанный человеком ход задачи»*²³. Точная дата на отчете не указана.

Итак, имеются три скупых заявления ученых о том, что они решительно отмежевываются от декларируемых кибернетикой тезисов о наличии аналогий между человеком и машиной, работой человеческого мозга и машины и пр. То есть действительно инженеры о кибернетике высказывались. Но вот были ли они запевалами в антикибернетическом хоре? Конечно же, нет. Достаточно сравнить даты публикации первых статей против кибернетики — май-август 1952 года — и даты написания текстов Н. Железнова и Д. Панова, соответственно сентябрь и октябрь того же года.

²³ АРАН ф. 1939. оп. 2. д. 2. л. 10 (сообщено канд. ист. наук И. А. Крайневой). — Прим. авт.

Совершенно очевидно, что заявления ученых представляют собой защитную реакцию. И защищаются ученые вовсе не от зарубежных кибернетиков, а от отечественных ревнителей идеологической чистоты, которые способны запретить ведущиеся ими работы. Так, Н. Железнов беспокоится, что *«досужие упражнения философствующих лжеученых набрасывают тень на статистическую теорию передачи сигналов при наличии помех, результаты и выводы которой сами по себе имеют большое научное и прикладное значение»*, а Лебедев и Келдыш фактически пытаются объяснить вышестоящим читателям своего отчета, что ЭВМ не имеют отношения к *«абсурдным высказываниям»* западных кибернетиков относительно аналогии между работой машины и человеческого мозга, а значит, нет оснований ставить под сомнение важность работ по созданию вычислительных машин.

Едва ли можно сомневаться в том, что опытные советские ученые уже при первых раскатах антикибернетического грома, прекрасно понимая, что в нашей стране такие публикации случайно не появляются и что этот гром может оказаться предвестником серьезной грозы, попытались по возможности от кибернетики дистанцироваться.

Поэтому утверждение Л. Грэхема, будто *«многие ученые и инженеры в Советском Союзе относились скептически к утверждениям кибернетиков США»* как минимум в двух пунктах не обосновано. Во-первых, в части *«многих»* скептически настроенных советских ученых — мы не знаем их числа, а во-вторых, в части их скептицизма — мы видим, что это скорее не скептицизм по отношению к кибернетике, а специфическая защитная реакция в рамках принятого советского идеологического ритуала.

Так что факты свидетельствуют о том, что в развязывании и осуществлении антикибернетической кампании действительно *«виноваты были философы и идеологи вообще»*. И что характерно, совсем скоро те же оперативно перестроившиеся и наскоро перекусившиеся марксистские *«философы»* с тем же бессмысленным энтузиазмом возведут кибернетику в ранг главной надежды на успешное построение коммунизма...

Литература

1.1. [Кибернетика: прошлое для будущего. Этюды по истории отечественной кибернетики](#). М.: Наука, 1989. 192 с.

1.2. [Очерки истории информатики в России](#) // Ред.-сост. Д. А. Поспелов, Я. И. Фет. Новосибирск: Научно-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1998. 664 с.

-
- 1.3. [Кибернетика — ожидания и результаты](#). Политехнические чтения. Вып. 2. М.: Знание, 2002. 128 с.
 - 1.4. Gerovitch, Slava. [From Newspeak to Cyberspeak](#). A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. 378 p.
 - 1.5. Панов Д., Поздняков С. [Письмо товарищу Уон Козуню] // Знание — сила. 1957. № 3. С. 47.
 - 1.6. Бородин Н. Языком пчелиного танца // Литературная газета. 17 октября 1957 г. № 125.
 - 1.7. Анисимов С., Вислобоков А. Некоторые философские вопросы кибернетики // Коммунист. 1960. № 2. С. 108-118.
 - 1.8. Kolman, Arnost. The Adventure of Cybernetics in the Soviet Union // Minerva. 1978. Vol. 16. № 3. Pp. 416-424.
 - 1.9. Gerovitch, Slava. [«Russian Scandals»: Soviet Readings of American Cybernetics in the Early Years of the Cold War](#) // Russian Review. October 2001. Vol. 60. Pp. 545-568.
 - 1.10. Торгашев В. А. Автоматные сети и компьютеры: история развития и современное состояние // История информатики и кибернетики в Санкт-Петербурге (Ленинграде). Вып. 3. СПб.: Наука, 2012. С. 46-66.
 - 1.11. Долгов В. А., Шилов В. В. Ледокол. Страницы биографии Анатолия Ивановича Китова // Информационные технологии. 2009. № 3. Приложение. 32 с.
 - 1.12. Кольман, Арношт (Эрнест). [Мы не должны были так жить](#). N.-Y.: Chalidze Publications, 1982. 368 с.
 - 1.13. Агапов Б. Марк III, калькулятор // Литературная газета. 4 мая 1950. С. 2.
 - 1.14. Ярошевский М. Кибернетика — «наука» мракобесов // Литературная газета. 5 апреля 1952. С. 4.
 - 1.15. Быховский Б. Э. Кибернетика — американская лженаука // Природа. 1952. № 7. С. 125-127.
 - 1.16. Гладков К. Кибернетика, или тоска по механическим солдатам // Техника — молодежи. 1952. № 8. С. 34-38.
 - 1.17. Клеманов Ю. «Кибернетика» мозга // Медицинский работник. 25 июля 1952. С. 4.
 - 1.18. Быховский Б. Э. Наука современных рабовладельцев // Наука и жизнь. 1953. № 6. С. 42-44.
 - 1.19. Материалист. [Кому служит кибернетика?](#) // Вопросы философии. 1953. № 5. С. 210-219.

-
- 1.20. Кибернетика // [Краткий философский словарь](#). М., 1954. С. 236-237.
- 1.21. Гладков Т. К. Кибернетика — псевдонаука о машинах, животных, человеке и обществе // Вестник Московского университета. 1955. № 1. С. 57-67.
- 1.22. Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- 1.23. Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А. А. Касьян. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 288 с.
- 1.24. Ярошевский М. Г. Семантический идеализм — философия империалистической реакции // в кн.: Против философствующих оруженосцев американо-английского империализма. Очерки критики современной американо-английской буржуазной философии и социологии. Отв. редакторы: Т. И. Ойзерман и П. С. Трофимов. М.: Госполитиздат, 1951. С. 88-101.
- 1.25. Гладков К. В джунглях американской науки // Техника — молодежи. 1951. № 8. С. 34-36.
- 1.26. Шилов В. В. [Антикибернетическая кампания 1950-1955 гг. в лицах](#) // ИИЕТ РАН им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. Т. 2. М.: РТСофт, 2012. С. 824-829.
- 1.27. Шилов В. В. [Рифы мифов: к истории кибернетики в Советском Союзе](#) // Труды SORUCOM-2014. Третья Международная конференция «Развитие вычислительной техники и ее программного обеспечения в России и странах бывшего СССР: история и перспективы». Казань, 2014. С. 395-401.